

Королевич и его дядька. Русская народная сказка

1.

Жил-был король, у него был сын-подросток. Королевич был всем хорош — и лицом и нравом, да отец-то его не больно: все его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку сорвать. Увидел он раз старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами. «Стой старик! Откудова ты?» — «Родом из такой-то деревни, батюшка, а ныне служу у мужика-лешего». — «А как вы зверей ловите?» — «Да леший-мужик наставит лёсы, зверь глуп — и попадет». — «Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам; укажи мне, где лёсы ставите?» Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего-мужика поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои лёсы поделал.

Вот сидит мужик-леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич с бабками, с мамками, с верными служанками погулять по саду; идет мимо столба, а мужик леший кричит ему: «Королевское дитя! Выпусти меня; я тебе сам пригожусь». — «Да как же я тебя выпущу?» — «А пойди к своей матери и скажи ей: матушка моя любезная, поищи у меня вшей в головке. Да головку-то положи к ней на колени; она станет у тебя в голове искать, а ты улужи минуту, вытащи ключ у ней из кармана, да меня и выпусти». Королевич так и сделал; вытащил ключ из кармана у матери, прибежал в сад, сделал себе стрелку, положил на тугой лук и пустил ее далеко-далеко, а сам кричит, чтоб мамки и няньки ловили стрелу. Мамки и няньки разбежались, в это время королевич отпер железный столб и высвободил мужика-лешего.

Пошел мужик-леший рвать королевские лёсы! Видит король, что звери больше не попадают, осерчал и напустился на свою жену: зачем ключ давала, мужика-лешего выпускала? И созвал он бояр, генералов и думных людей, как они присудят: голову ли ей на плахе снять, али в ссылку сослать? Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался он отцу, что это его вина: вот так-то и так-то все дело было. Взгоревался король, что ему с сыном делать? Казнить нельзя; присудили: отпустить его на все на четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюги зимние,

на все вихри осенние; дали ему котомку и одного дядьку.

Вышел королевич с дядькою в чистое поле. Шли они близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, и увидели колодезь. Говорит королевич дядьке: «Ступай за водою!» — «Нейду!» — отвечает дядька. Пошли дальше, шли-шли — опять колодезь. «Ступай, принеси воды! Мне пить хочется», — просит дядьку королевский сын в другой раз. «Нейду!» — говорит дядька. Вот еще шли-шли — попадается третий колодезь, дядька опять нейдет, и пошел за водою сам королевич. Спустился в колодезь, а дядька захлопнул его крышкой и говорит: «Не выпущу! Будь ты слугой, а я — королевичем». Нечего делать, королевич согласился и дал ему в том расписку своей кровью; потом поменялись они платьями и отправились дальше.

Вот пришли они в иное государство; идут к царю во дворец — дядька впереди, а королевич позади. Стал дядька жить у того царя в гостях, и ест и пьет с ним за единым столом. Говорит он ему: «Ваше царское величество! Возьмите моего слугу хоть на кухню». Взяли королевича на кухню, заставляют его дрова носить, кастрюли чистить. Немного прошло времени — выучился королевич готовить кушанье лучше царских поваров. Узнал про то государь, полюбил его и стал дарить золотом. Поварам показалось обидно, и стали они искать случая, как бы извести его.

Вот один раз сделал королевич пирог и поставил в печку, а повара добыли яду, взяли да и посыпали на пирог. Сел царь обедать; подают пирог, царь только было за нож взялся, как бежит главный повар: «Ваше величество! Не извольте кушать». И насказал на королевича много всякой напраслины. Царь не пожалел своей любимой собаки, отрезал кусок пирога и бросил наземь; собака съела да тут же издохла. Призвал государь королевича, закричал на него грозным голосом: «Как ты смел с отравой пирог изготовить, сейчас велю тебя казнить лютою казнию!» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, ваше величество! — отвечает королевич, — Видно, поварам в обиду стало, что вы меня жалуете; нарочно меня под ответ подвели». Царь его помиловал, велел конюхом быть.

Повел королевич коней на водопой, а навстречу ему мужик-леший: «Здорово, королевский сын! Пойдем ко мне в гости». — «Боюсь, кони разбегутся». — «Ничего, пойдем!» Изба тут же очутилась. У лешего-мужика три дочери; спрашивает он старшую: «А что ты присудишь королевскому сыну за то, что из железного столба выпустил?» Дочь говорит: «Дам ему скатерть-самобранку». Вышел королевич от лешего-мужика с подарком, смотрит — кони все налицо; развернул скатерть — чего хочешь, того

просишь: и питье и еда!

На другой день гонит он царских коней на водопой, а мужик-леший опять навстречу: «Пойдем ко мне в гости!» Привел и спрашивает среднюю дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?» — «Я ему подарю зеркальце: что захочешь, все в зеркальце увидишь!» На третий день опять попадается королевичу мужик-леший, ведет к себе в гости и спрашивает меньшую дочь: «А ты что королевскому сыну присудишь?» — «Я ему подарю дудочку — только к губам приложи, сейчас явятся и музыканты и песельники». Весело стало жить королевскому сыну: ест-пьет хорошо, все знает, все ведаёт, музыка целый день гремит. Чего лучше? А кони-то, кони-то! Чудо, да и только: и сыты, и статны, и на ногу резвы.

Начал царь хвалиться своей любимой дочери, что послал ему господь славного конюха. А прекрасная царевна и сама давным-давно конюха заприметила: да как и не заметить красной девице добра молодца! Любопытно стало царевне: отчего у нового конюха лошади и резвее и статнее, чем у всех других? «Дай, — думает, — пойду в его горницу, посмотрю: как он, бедняжка, поживает?» А уж известно: чего баба захочет, то и сделает. Улучила время, когда королевич на водопой коней погнал, пришла в его горницу, а как глянула в зеркальце — тотчас все смекнула и унесла с собой и скатерть-самобранку, и зеркальце, и дудочку.

В это время случилась у царя беда: наступил на его царство семиглавый Идолище, просит себе царевну в замужество. «А если не выдадут, так и силой возьму!» — сказал он и расставил свое войско — тьму-тьмушую. Плохо пришлось царю: делает он клич по всему своему царству, сзывает князей и богатырей; кто из них победит Идолища семиглавого, тому обещает дать половину царства и вдобавок дочь в замужество. Вот собрались князья и богатыри, поехали сражаться против Идолища, отправился и дядька с царским войском. И наш конюх сел на кобылу сиву и потащился вслед за другими. Едет, а навстречу ему мужик-леший: «Куда ты, королевский сын?» — «Воевать». — «Да на кляче далеко не уедешь! А еще конюх! Пойдем ко мне в гости».

Привел в свою избу, налил ему стакан водки. Королевич выпил. «Много ль в себе силы чувствуешь?» — спрашивает мужик-леший. «Да если б была палица в пятьдесят пудов, я б ее вверх подбросил да свою голову подставил, а удара и не почувял бы!» Дал ему другой стакан выпить: «А теперь много ли силы?» — «Да если б была палица во сто пудов, я б ее выше облаков подбросил». Налил ему третий стакан: «А теперь какова твоя

сила?» — «Да если бы утвердить столб от земли до неба, я бы всю вселенную повернул!» Мужик-леший нацедил водки из другого крану и подал королевичу; королевич выпил — и поубавилось у него силы кабы на седьмую часть.

После вывел его мужик-леший на крыльцо, свистнул молодецким посвистом: отколь ни взялся — вороной конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя, из ушей дым столбом, из-под копыт искры сыплются. Прибежал к крыльцу и пал на коленки. «Вот тебе конь!» Дал ему еще палицу-буявицу да плеть шелковую. Выехал королевич на своем вороном коне супротив рати неприятельской; смотрит, а дядька его на березу взлез, сидит да от страху трясется. Королевич стегнул его плеткою раз-другой и полетел на вражее воинство; много народу мечом прирубил, еще больше конем притоптал, самому Идолищу семь голов снес. А царевна все это видела; не утерпела, чтоб не посмотреть в зеркальце, кому она достанется. Тотчас выехала навстречу, спрашивает королевича: «Чем себя поблагодарить велишь?» — «Поцелуй меня, красна дэвица!» Царевна не устыдилася, прижала его к ретиву сердцу и громко-громко поцеловала, так что все войско услышало.

Королевич ударил коня — и был таков! Вернулся домой и сидит в своей горенке, словно и на сражении не был, а дядька всем хвастает, всем рассказывает: «Это я был, я Идолище победил!» Царь встретил его с большим почетом, сговорил за него свою дочь и задал великий пир. Только царевна не будь глупа — возьми да и скажись, что у ней головушка болит, ретивое щемит. Как быть, что делать нареченному зятю? «Батюшка, — говорит он царю, — дай мне корабль, я поеду за лекарствами для своей невесты; да прикажи и конюху со мной ехать: я ведь больно к нему привык!» Царь послушался, дал ему корабль и конюха.

Вот они и поехали, близко ли, далеко ли отплыли — дядька приказал сшить куль, посадить в него конюха и пустить в воду. Царевна глянула в зеркальце, видит — беда! Села в коляску и поскорей к морю; а на берегу уж мужик-леший сидит да невод вяжет. «Мужичок! Помоги моему горю; злой дядька королевича утопил». — «Изволь, красна дэвица! Вот и невод готов! Приложи-ка сама к нему белые ручки». Вот царевна запустила невод в глубокое море, вытащила королевича и повезла с собою; а дома все дочиста отцу рассказала.

Сейчас веселым пирком, да и за свадебку; у царя ни мед варить, ни вино курить — всего вдоволь! А дядька накупил разных снадобий и воротился

назад: входит во дворец, а тут его и схватили. Взмолился он, да поздно: духом его на воротах расстреляли. Свадьба королевича была веселая; все кабаки и трактиры на целую неделю были открыты для простого народа безденежно. И я там был, мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

2.

Был мужик, у него было три сына: два умных, третий дурак. Вот хорошо, зачал мужик горох сеять, и повадился к нему на горох незнамо кто. Видит отец, что все побито, повалено, потоптано, и стал говорить своим детям: «Дети мои любезные! Надобно караулить, кто такой горох у нас топчет?» Сейчас большой брат пошел караулить. Приходит полуночное время, ударил его сон — горох потоптан, а он ничего не видал. Опосля досталось караулить среднему брату — и средний ничего не видал. «Сем-ка я пойду, — говорит дурак, — уж я не прогляжу!» — «Хорошо ты поёшь! Каково станется?» — отвечают ему братья.

И таки пошел дурак караулить, взял с собой воз лык да фунт табаку. Как стал его сон ударять, он стал табаку больше нюхать. Приезжает на горох Никанор-богатырь, пускает своего коня, а сам лег богатырским сном спать — лег и заснул. Сейчас это дурак взял и зачал его сонного лыками путлять. Упутлял его лыками и пришел к отцу. «Ну, — говорит, — поймал я вора!» Отец приходит, смотрит: «Как же ты, дурак, мог этакую силу повалить?»

Вот донесли царю, что пойман этакий богатырь. Царь сейчас посылает: «Кем он пойман?» Докладают ему, что пойман таким-то дураком. Тут сейчас царь приказывает: «Приведите мне дурака!» Привели; царь спрашивает: «Как же это, дурак, как бы его сюда перевезть?» Он ему говорит: «А вот как надобно править: надобно двенадцать лошадей, да шестьдесят человек народу, да чугунные дроги — тогда можно положить Никанора-богатыря на дроги и привезть сюда».

Привезли богатыря к царю. «Как же, дурак, — спрашивает царь, — куды же его посадить и чем закрепить, чтоб не ушел?» Дурак говорит: «На двадцать аршин вели земли выкопать, той землей завали чугунные стены да накати накатники: крепко будет!» Завалили чугунные стены, накати накатники, посадили туда Никанора-богатыря и поставили над ним полк солдат караульных. Дурак зацепил крюком, перервал лыки и развязал богатыря. Царь дурака наградил, домой отпустил.

Раз как-то гуляли царские дети по саду и пущали золотые стрелы, и попала стрела меньшого брата, Ивана-царевича, в окошечко Никанора-богатыря. «Ах, Никанор-богатырь, отдай мою стрелку». — «Помоги мне, — говорит Никанор-богатырь, — прикажи хоть одну накатинку скатить — так отдам твою стрелку; пожалуй, еще три своих подарю!» Иван-царевич понатужился и сам снял одну накатину; Никанор-богатырь отдал ему золотую стрелку и говорит: «Ну, Иван-царевич, будешь ты лакеем, пастухом и поваром, и опять будешь Иваном-царевичем».

Сейчас разломал Никанор-богатырь свою темницу, вылез оттуда и весь полк побил. Царь пришел, увидел и ужаснулся: «Кем богатырь выпущен?» Тут валялись избитые, израненные: у того солдата рука оторвана, у того нога изломана; говорят они царю: «Так и так, Иван-царевич выпустил». Осердился царь, послал собирать с разных земель королей и принцев. Собрались короли и принцы; угостил их царь и стал с ними думать-гадать. «Что мне, — говорит, — с сыном, Иваном-царевичем, делать? Ведь царских детей ни казнят, ни вешают». Присоветовали ему: дать царевичу одного слугу, и пускай идет, куда сам знает!

Пошел Иван-царевич от своего отца; шел ни много, ни мало, и захотелось ему пить. Приходит к колодезю, глянул — далече вода, не достанешь, напиться нечем. Говорит он слуге своему: «Ах, Ванька, как же быть?» — «Ну, Иван-царевич, — говорит Ванька, — держи меня за ноги, я напьюся, а там и тебя напою; а то не достанешь — далече вода». Сейчас это Ванька начал пить, напился, а там стал царевича держать. Иван-царевич напился: «Ну, Ванька, вытаскивай меня!» Он ему отвечает: «Нет же! Будь ты Ванька, а я буду Иван-царевич». — «Что ты, дурак, пустое болтаешь!» — «Сам болтаешь! Коли не хочешь, утоплю в колодезе!» — «Нет же! Лучше не топи; будь ты Иван-царевич, а я буду Ванька».

На том и поладили; приходят в большой град столичный, прямо в палаты царские; названный царевич идет впереди, кресты кладет не по-писаному, поклоны ведет не по-ученому; а настоящий царевич позади выступает, кресты кладет по-писаному, поклоны ведет по-ученому. Царь принимает их с охотою. «Живите у меня», — говорит. Сейчас Ванька-названник начал наговаривать: «Ах, какой лакей у меня! Как хорошо скотину стережет! Если лошадей погонит, то у всякой лошади сделаются хвост золотой, грива золотая, по бокам часты звезды; а коров погонит, у всякой коровы сделаются рога золотые, хвост золотой, по бокам часты звезды».

Дал ему царь лошадей стеречь. Погнал Иван-царевич табун в чистое поле; все лошади от него разбежались. Он сел и заплакал горько: «Эх, Никанор-богатырь, что ты сделал надо мной! Как мне теперь быть?» Откуда не взялся — является перед ним Никанор-богатырь. «Что, — говорит, — тебе надобно, Иван-царевич?» Тот рассказал ему про свое горе. «Ничего! Поедем-ка с тобой, соберем всех лошадей да погоним к моей меньшей сестре. Меньшая сестра все поделает, что тебе царь приказал». Пригнали табун к меньшей сестре; она и впрямь все поделала, накормила-напоила гостей и домой проводила. Гонит Иван-царевич лошадей к царскому дворцу: у всякой лошади грива золотá, хвост золотой, по бокам звезды. Названник Ванька под окном сидит: «Ах, каналья, сделал-таки, сделал! Хитёр, — говорит, — мудёр!»

Ну, теперича приказывает ему царь коров гнать: «Чтоб было то же сделано, а если не сделаешь — я тебя на воротах расстреляю!» Иван-царевич горько заплакал и погнал коров; целый день стерег. «Ах, друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является; погнали к его средней сестре; она всем коровам поделала рожки золотые, хвосты золотые, по бокам — звезды; накормила гостей, напоила и домой проводила. Гонит Иван-царевич коров, а Ванька-названник под окном сидит. «Ах, — говорит, — хотел погубить, да нет: и это сделал!» Царь увидал: «Вот так пастух! Вишь каких лошадей да коров поставил — любо-дорого посмотреть!» Говорит ему Ванька: «Он мне и кушанье хорошо готовит!» Царь сейчас отправил его в поварскую; пошел Иван-царевич к поварам под начало, а сам горько плачет: «Господи! Я ничего не умею; это все на меня напраслину наговаривают».

Вот задумал царь отдать свою дочь за названника; а тут и пишет к нему трехглавый змей: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то я всю твою силу порублю и тебя самого в полон возьму». Говорит царь своему нареченному зятю: «Что же мне делать?» Ванька отвечает: «Батенька, выставим силу; может быть, и наша возьмет!» Выставили силу, стали воевать. А Иван-царевич просится у поваров: «Пустите меня, дяденьки, посмотреть сражение; я сроду не видал». Те говорят: «Ступай, посмотри!» Сейчас приходит он на чистое поле и говорит: «Друг Никанор, явись передо мной». Никанор-богатырь перед ним является: «Что угодно тебе, Иван-царевич, то и буду делать». Он спрашивает: «Как же нам разогнать все это сражение, побить неприятелей? Сослужи-ка мне эту службу». — «Это службишка, а не служба!»

Поехал Никанор-богатырь и разогнал силу неприятельскую, всех побил, порубал. «Ну, теперь надо свадьбу играть!» — говорит царь. Вдруг пишет шестиглавый змей: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то всю силу твою порублю и тебя самого в полон возьму!» — «Ах, как же нам быть?» — спрашивает царь. Говорит Ванька: «Нечего делать — надо силу выставить; может быть, нам бог помогнет!» Выставили против силы змеиной свою армию. Стал Иван-царевич проситься у поваров: «Дяденьки, отпустите меня посмотреть». — «Ступай, да скорей назад приходи». Он пошел на чистое поле: «Ах, друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является: «Что тебе угодно, все для тебя буду делать». — «Как бы нам порубить эту силу?» Отвечает Никанор-богатырь: «Поеду и потружусь для тебя!» Пустился на рать-силу змеиную и побил ее всю дочиста. «Ну, — говорит царь, — теперь нам можно и свадьбу играть: никакой помехи не будет!» Взялись за свадьбу, а тут двенадцатиглавый змей пишет: «Если не отдашь за меня своей дочери, то всю твою силу побью, тебя самого в полон возьму, а царство твое головней выжгу!» Надобно опять выставить армию. «Если станет змей побивать, — думает царь, — в ту ж минуту отдам ему дочь добром, чтоб только царства не тронул». Иван-царевич просится у поваров: «Дяденьки, отпустите меня посмотреть». — «Ступай, да скорей назад приходи!»

Вот приходит он на чистое поле, свистнул-гаркнул своим громким голосом: «Друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является: «Ну, брат Иван-царевич, вот когда служба-то нам пришла! Садись и ты на коня, и поедем: я впереди — на двенадцатиглавого змея, а ты позади — на всех его богатырей». А у того змея было двенадцать подручных богатырей. Сел Иван-царевич на коня и вслед за Никанором-богатырем поехал на неприятеля; стали биться-рубиться, изводить силу змеиную.

На том бою ранили Ивана-царевича в руку; он повернул коня и прямо наехал на царскую карету. Царевна сняла с себя шаль, разорвала пополам и половинкой завязала ему руку. Иван-царевич опять ударил на змея и побил все его войско; после приехал в свое место, лег спать и заснул крепким богатырским сном. Во дворце свадьба готовится; хватились его повара. «Куда, — говорят, — делся наш молодой повар?» Побежали искать и нашли сонного; стали будить — никак не разбудят, стали толкать — никак не растолкают. Один повар взял колотушку: «Сейчас пришибу его; пускай пропадает!» Ударил его раз, другой; Иван-царевич проснулся: «Ах, братцы, я проспал!» И просит: «Дяденьки, не сказывайте, что я так долго спал». Те говорят: «Пойдем, дурак, скорее, чтобы нас за тебя не ругали!»

Привели его в поварскую и заставили кастрюли чистить. Иван-царевич засучил рукава и принялся за работу. Увидала царевна у него половину своей шали: «Покажи-ка, Ванька! Где ты этот платок взял?» Тут он и признался. «Не тот, — говорит, — названник — царевич, а я!» — и рассказал ей все, как было. Сейчас взяла царевна его за руку, повела к отцу: «Вот мой нареченный жених, а не тот лакей!» Царь стал у него, спрашивать: «Как у вас дело было?» — Так и так, говорит. Царь перевенчал свою дочь за Ивана-царевича, а названника рассказал. И я там был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было; подали белужины — остался не ужинавши.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.